

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Дочь Палаца
и Черный монах

МОСКВА

2016

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

ПЗ1

Oliver Pötzsch

DIE HENKERSTOCHTER
UND DER SCHWARZE MÖNCH

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.

Published in 2009 by Ullstein Taschenbuch Verlag

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Аникина*

Пётч, Оливер.

ПЗ1 Дочь палача и черный монах / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с. — (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-89782-7

Якоб Куизль — грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

В январе 1660 года смерть посетила церковный приход близ баварского города Шонгау. При весьма загадочных обстоятельствах умер местный священник. У молодого лекаря Симона Фронвизера нет сомнений: всему виной смертоносный яд! Городской палач Куизль решает заняться этим странным делом. Он и его дочь Магдалена выясняют, что перед смертью священник обнаружил старинную гробницу под церковью. Гробницу, хранящую останки рыцаря-тамплиера и некую страшную тайну, сокрытую им для грядущих поколений...

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н., перевод
на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89782-7

*Посвящается
моей бабушке, приверженке матриархата,
и моей маме, которая и поныне рассказывает
лучшие сказки*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Якоб Куизль – палач Шонгау
Симон Фронвизер – сын городского лекаря
Магдалена Куизль – дочь палача
Анна Мария Куизль – жена палача
Георг и Барбара Куизль (близнецы) – млад-
шие дети Якоба и Анны Марии

Горожане

Бонифаций Фронвизер – городской лекарь
Бенедикта Коппмейер – купчиха из Ландсберга
Марта Штехлин – знахарка
Магда – экономка пасторского¹ дома при церкви Св.
Лоренца в Альтенштадте
Абрахам Гедлер – пономарь церкви Св. Лоренца
в Альтенштадте
Мария Шреефогль – жена городского советника
Франц Штрассер – трактирщик из Альтенштадта
Бальтазар Гемерле – плотник из Альтенштадта

---

¹ Здесь и далее: слово «пастор» употребляется в книге не в смысле «протестантский священник», а в общехристианском смысле «священник, пастырь», свойственном, в частности, католицизму.

Ганс Бертольд — сын шонгауского пекаря
Себастьян Земер — сын первого бургомистра

Городской совет

Иоганн Лехнер — судебный секретарь
Карл Земер — первый бургомистр и хозяин трактира «У золотой звезды»
Маттиас Хольцхофер — второй бургомистр
Якоб Шреефогль — владелец гончарной мастерской и член совета
Михаэль Бертольд — пекарь и член совета

Жители Аугсбурга

Филипп Хартман — аугсбургский палач
Непомук Бирман — хозяин аптеки
Освальд Хайнмиллер — торговец
Леонард Вейер — торговец

Церковники

Андреас Коппмейер — священник церкви Св. Лоренца в Альтенштадте
Элиаз Циглер — священник базилики Св. Михаила в Альтенштадте
Августин Боненмайр — настоятель монастыря ордена премонстрантов в Штайнгадене
Михаэль Пискатор — пастор августинского канонического монастыря в Роттенбухе
Бернард Геринг — настоятель бенедиктинского монастыря в Вессобрунне

Монахи

Брат Якобус, брат Авенариус, брат Натанаэль

«Удивительное всегда приятно. Доказательством этого служит то, что в рассказе все добавляют что-нибудь свое, думая этим доставить удовольствие слушателю».

Аристотель. «Поэтика»

ПРОЛОГ

*Альтенштадт, близ Шонгау, в ночь
с 17 на 18 января 1660 года
от Рождества Христова*

Священник Андреас Коппмейер вставил в зазор последний камень и замазал щели раствором извести. Он и предположить не мог, что жить ему осталось всего несколько часов.

Коппмейер вытер широкой ладонью пот со лба, прислонился к холодной влажной стене позади себя и обеспокоенно оглядел узкую витую лестницу с каменными ступенями. Уж не шевельнулось ли там что? Снова послышался скрип половых досок, словно кто-то крался поверху. Но, быть может, он и ошибался. Церковь Святого Лоренца была старой и источенной ветрами, доски могли растрескаться. Именно по этой причине здесь уже несколько недель трудились рабочие, которым по-

ручили отремонтировать церковь, чтобы она в один прекрасный день не развалилась во время службы.

Снаружи бушевала январская вьюга, ветер обрушивался на стены и свистел в щелях между досками. Однако здесь, в крипте, священника бросало в холод вовсе не от стужи. Он плотнее закутался в рваную сутану, в последний раз оглядел для верности замурованный проход и стал подниматься по лестнице. Его шаги гулко отдавались по стоптанным, покрытым изморозью ступеням. Ветер вдруг завыл еще громче, так что священник даже не услышал тихого скрипа на галерее. Скорее всего, показалось. Да и кто, ради всего святого, станет торчать в церкви в такой час. Перевалило далеко за полночь. Магда, его экономка, давно уже спала в домике рядом с церковью, а старый пономарь явится сюда только к шести часам.

Коппмейер преодолел последние ступеньки из крипты, и его могучее тело полностью загородило проход в подземелье. Ростом под два метра, словно медведь, а не человек, он олицетворял собою ветхозаветное божество, а разросшаяся борода и густые черные брови только усиливали впечатление. Когда Коппмейер, одетый в черное, стоял перед алтарем и низким недовольным голосом читал проповедь, прихожане от одного его вида дрожали в страхе перед Чистилищем.

Священник обхватил неподъемную надгробную плиту и, запыхтев, закрыл ею проход в крипту. Пли-

та со скрежетом встала на свое место, так, словно ее никогда и не поднимали. Довольный собой, Коппмейер оценил проделанную работу и направился к выходу.

Он попытался распахнуть двери, однако перед порталом уже намело целые сугробы. Тогда Коппмейер уперся плечом в тяжелую дубовую створку и закричал от натуги. Когда дверь приоткрылась настолько, чтобы он смог в нее протиснуться, в лицо ему мелкими иглами тут же полетел снег. Священник прикрыл глаза и зашагал к дому.

До маленького домика идти нужно не более тридцати шагов, но Коппмейеру они показались целой вечностью. Ветер рвал на нем сутану, и она развевалась, словно изодранное знамя. Сугробы доходили чуть ли не до пояса, и даже мужчина могучего телосложения преодолевал их с огромным трудом. Так, шаг за шагом пробираясь сквозь тьму и непогоду, он обдумывал события двухнедельной давности. Коппмейер был простым служителем Господа, но и он понимал, что находка его представляла собой нечто необычайное, такое, с чем он вовсе не желал связываться. Замуровать тот проход казалось лучшим выходом. И пусть другие, более могущественные и знающие люди решают, открывать его снова или нет. Быть может, и не следовало отправлять письмо Бенедикте, но он не раз уже доверялся своей младшей сестре. Для женщины она была невероятно умна и начитанна, и Андреас частенько ис-

прашивал у нее совета. Конечно, она и теперь подскажет ему верное решение.

Внезапно Коппмейер прервал свои размышления. Краем глаза он уловил движение за кучей досок возле дома. Прищурился и прикрыл ладонью глаза от снегопада. Но было слишком темно, снег валил хлопьями, и разглядеть ничего не удалось. Священник пожал плечами и отвернулся. Видимо, какая-нибудь лиса пытается пробраться в курятник, подумал он. Или птица ищет укрытия от непогоды.

Наконец Коппмейер добрался до крылечка. У входа, с южной стороны, снега намело не так много. Он распахнул дверь, протиснул свое могучее тело в переднюю и задвинул засов. Тут же воцарилась благословенная тишина, вьюга теперь казалась очень и очень далекой. В открытом очаге еще тлели угли, и от них расходилось приятное тепло. Лестница перед входом вела в спальню экономки. Священник шагнул вправо и двинулся в общую комнату, чтобы через нее пройти в свою каморку.

Он приоткрыл дверь, и его обдало сладким маслянистым запахом. Когда Коппмейер понял, откуда исходил тот запах, рот его тут же наполнился слюной. На столе посреди общей комнаты стоял горшочек, доверху наполненный свежееиспеченными пончиками. Андреас подошел ближе и легонько потрогал один из них. Лакомство даже еще не остыло.

Священник широко улыбнулся. Умница Магда,

как всегда, обо всем позаботилась. Он предупредил ее, что задержится сегодня в церкви допоздна, чтобы лично заняться ремонтными работами. Андреас предусмотрительно прихватил с собой буханку хлеба и кувшин вина, однако экономка знала, что здоровяк вроде Коппмейера долго на этом не протянет. Потому она напекла ему пончиков, и вот они томились тут в ожидании своего избавителя!

Коппмейер зажег свечу от углей в очаге и уселся за стол, с радостью отметив, что пончики были густо намазаны медом. Пододвинул горшочек к себе поближе, взял одну из теплых булочек и с наслаждением откусил.

Вкус был восхитительный.

Священник медленно жевал и чувствовал, как в него возвращается тепло. Вскоре он расправился с первым пончиком и потянулся за следующим. Разломал мягкое тесто на кусочки и один за другим затолкал их в рот. В какой-то миг он почувствовал неприятный привкус, но сладкий мед его тут же перебил.

После шестого пончика Коппмейер все-таки сдался. Он в последний раз заглянул в горшочек — на дне еще оставались две булочки. Священник тяжело вздохнул, погладил себя по животу и понял, что переел. Затем направился в свою каморку, где сразу же забылся глубоким сном.

Боль дала о себе знать легкой дурнотой перед самым рассветом. Проклиная про себя свое обжорство, Коппмейер вознес молитву к Господу, пре-

красно понимая, что чревоугодие относится к семи смертным грехам. Не исключено, что Магда заготовила тот горшочек на несколько дней. Но ведь пончики были такими вкусными! Что ж, божья кара в виде рвоты и резей в животе не заставила себя ждать. А нечего было объедаться посреди ночи! Вот и поделом...

Для таких вот случаев Коппмейер всегда держал наготове ночной горшок. Только священник собрался встать с кровати и облегчиться, как боли в животе усилились. Все тело словно пронзило иглами, Андреас захрипел и ухватился за край кровати. Потом он поднялся и, постанывая, заковылял в общую комнату. Там на столе стоял кувшин с холодной водой. Священник схватил его и осушил одним глотком, надеясь таким образом унять боль.

Он вернулся в свою комнату, как вдруг внутренности его пронзила такая боль, какую ему до сих пор не доводилось терпеть. Коппмейер попытался закричать, но из горла вырвался лишь хрип. Язык распух, превратившись в мясистый комок, и перекрыл гортань. Священник рухнул на колени, глотку обожгло нестерпимым пламенем. Его вырвало чем-то вязким, но боль так и не отступила. Она, наоборот, усилилась, так что Коппмейер лишь заползал по полу на четвереньках, словно побитый пес. Ноги внезапно отказались ему повиноваться. Он силился хотя бы шепотом позвать экономку, голосовые связки давно уже выжгло огнем.

Постепенно до него стало доходить, что все это не было обычными коликами и терзали они его вовсе не оттого, что Магда передержала молоко. Коппмейер чувствовал приближение смерти. Он растянулся на полу и приготовился умереть.

Пережив несколько минут страха и отчаяния, священник принял решение. Из последних сил он подполз к входной двери и толкнул ее. Снова на него обрушилась вчерашняя вьюга, лицо обдало холодом и ледяными иглами. Ветер завывал, словно в насмешку над священником.

Тем же путем, что и вчера, Коппмейер двинулся на четвереньках в сторону церкви. Местами еще сохранились его давешние следы. Временами боль становилась нестерпимой, и Андреасу то и дело приходилось останавливаться и ложиться. Снег забился в одежду, а руки смерзлись в бесформенные комья. Священник потерял всякий счет времени. В мыслях его кружилась единственная цель: *нужно добраться до церкви!*

Наконец он уперся головой в стену. Первые несколько секунд сомневался, но потом сообразил, что добрался до портала церкви. Из последних сил Коппмейер просунул в щель обмороженные культи, которые некогда были его руками, и открыл двери. Внутри он не смог ползти даже на четвереньках, ноги больше не держали его массивное тело. Последние метры пришлось ползти на животе. Во внутренностях его разыгралась ожесточенная борьба. Он чувствовал, как органы его отказывали один за другим.